

АНАЛИТИКА ОБЫДЕННОГО ЯЗЫКА В ФИЛОСОФИИ П. Ф. СТРОСОНА

М. Р. ДИСЬКО-ШУМАН¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Проводится историко-философский анализ вклада П. Ф. Стросона в разработку проблематики лингвистической ветви аналитической философии, представленной оксфордской школой обыденного языка. Актуальность работы обусловлена необходимостью переосмысления идей аналитической философии в контексте развития направлений и стратегий современной философии, в частности стратегии коммуникативной рациональности. Обосновывается тезис о том, что одна из ключевых задач философии П. Ф. Стросона состоит в анализе обыденного языка с точки зрения формирования им дескриптивных структур реальности. Данная функция языка является результатом не только взаимодействия сознания и реальности, но и реализации социальных конвенций. Предметной задачей философии становится прояснение природы обыденного языка и его функций. Одним из результатов аналитики обыденного языка выступает заключение о конвенциональной природе языка, сущность которой определяется динамически изменяющимся и изменяемым инструментом социального конституирования, опосредующей формой и структурным элементом, обуславливающим основополагающие условия коммуникации.

Ключевые слова: аналитическая философия; язык; теория речевых актов; коммуникация; коммуникативное намерение.

ANALYTICS OF ORDINARY LANGUAGE IN P. F. STRAWSON'S PHILOSOPHY

M. R. DZISKO-SCHUMANN^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The purpose of the article is a philosophical analysis of P. F. Strawson's contribution to the development of the problems of the linguistic branch of analytical philosophy, represented by the Oxford school of ordinary language. The relevance of the work is due to the need to rethink a number of ideas of analytical philosophy, in the context of the development of directions and strategies of modern philosophy, in particular, the strategy of communicative rationality. The author substantiates the thesis that one of the key tasks of the philosophy of P. F. Strawson was the analysis of ordinary language in the focus of its main function – the formation of descriptive structures of reality, which is not only the result of the interaction of consciousness and reality, but also represents the result of social conventions. The objective task of philosophy is to clarify the nature of ordinary language and its functions. One of the results of the analytics of ordinary language is that language has conventional nature, the essence of which is determined by a dynamically changing instrument of social constitution, a mediating form and a structural element that determines the fundamental conditions of communication.

Keywords: analytical philosophy; language; theory of speech acts; communication; communicative intention.

Образец цитирования:

Дисько-Шуман М. Р. Аналитика обыденного языка в философии П. Ф. Стросона. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2023;2:33–39. <https://doi.org/10.33581/2520-2251-2023-2-33-39>

For citation:

Dzisko-Schumann MR. Analytics of ordinary language in P. F. Strawson's philosophy. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2023;2:33–39. Russian. <https://doi.org/10.33581/2520-2251-2023-2-33-39>

Автор:

Мария Робертовна Дисько-Шуман – кандидат философских наук, доцент; докторант кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук.

Author:

Marya R. Dzisko-Schumann, PhD (philosophy), docent; postdoctoral student at the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences. mdzisko@gmail.com

Введение

Актуальность настоящего исследования обусловлена двумя обстоятельствами. Во-первых, аналитическая философия, будучи одним из наиболее значимых направлений как европейской, так и американской философии XX в., во многом определила основные тренды развития философии XXI в. Во-вторых, идеи некоторых представителей этого направления не были проанализированы в историко-философском ключе в силу объективных причин, в частности из-за господства в отечественной науке со второй половины XX в. до начала 1990-х гг. марксистско-ленинской философии и отсутствия переводов научных статей и монографий приверженцев британской и американской ветвей аналитической философии на русский язык. В связи с этим необходимо исследовать идеи ученых, результаты изысканий которых мало осмыслены в отечественной литературе. В их число входит Питер Фредерик Стросон.

Аналитическая философия представляет собой достаточно неоднородное образование как с точ-

ки зрения рассматриваемых в ней проблем, так и с позиции применяемых методов философского анализа. В аналитической традиции особое место занимает философия лингвистического анализа, сторонниками которой являются выдающиеся философы, в том числе воспитанники оксфордской школы обыденного языка. Идеи представителей этой школы оказали значимое влияние на становление концепций современной философии, например концепции коммуникативной рациональности (Ю. Хабермас) или прагма-диалектической теории аргументации (Ф. Х. ван Еемерен и Р. Гроотендорст). Несмотря на это, в отечественной истории философии наследие сторонников данного направления изучено не в полной мере. В критической литературе с точки зрения историко-философского анализа наиболее полно рассмотрены работы Дж. Л. Остина как создателя теории речевых актов, в то время как идеи П. Ф. Стросона или Г. Райла исследованы в меньшей степени.

Основная часть

В отечественной традиции одной из первых научных монографий, посвященных критическому анализу идей П. Ф. Стросона, является очерк А. Ф. Бегиашвили [1]. Хотя в качестве основной задачи исследования заявлено доказательство того, что попытки решения философских вопросов посредством анализа языка приводят лингвистическую философию к непреодолимым противоречиям, в работе лишь реферативно излагаются идеи представителей лингвистической философии, в том числе П. Ф. Стросона. В коллективной монографии под редакцией В. У. Бабушкина [2] дан краткий перевод одной из статей философа. Следует отметить, что данная работа была опубликована с грифом «для служебного пользования», что означало необходимость получения разрешения для ознакомления с ее содержанием.

В то же время в англоязычной историко-философской литературе практически сразу появились публикации, содержащие обзор философских идей П. Ф. Стросона [3; 4]. Первой фундаментальной работой ученого, переведенной на русский язык, стал труд «Индивиды. Опыт дескриптивной метафизики» [5], опубликованный в 2009 г., хотя оригинал [6] был издан еще в 1959 г. Во многом данное обстоятельство объясняет отсутствие в отечественной историко-философской традиции до начала 2000-х гг. значимого исследовательского интереса к работам П. Ф. Стросона.

С. В. Никоненко отмечает, что «имя П. Стросона (р. 1919) не столь широко известно в философских кругах, как имена его современников Рассела, Айера, Поппера, Витгенштейна» [7, с. 317], и выделяет три тематических блока в его философском наследии: изучение собственно дескриптивной метафизики [6], логические исследования [8–10] и разработку идей моральной философии (или некоторых вопросов этики) [11]. С точки зрения историко-философского и рефлексивно-критического анализа трудов П. Ф. Стросона и характера их влияния на развитие лингвистической философии в большей степени изучена его концепция дескриптивной метафизики. Например, данному вопросу посвящены кандидатские диссертации В. А. Чалого¹ и Е. Н. Сухановой². В обзорной научной монографии А. Л. Золкина в параграфе о П. Ф. Стросоне [12], базирующемся на анализе его работы [6], отражаются идеи концепции дескриптивной метафизики. Однако, хотя А. Л. Золкин полагает, что П. Ф. Стросон «не только восстановил метафизику в ее исконных правах, но и предложил программу создания новой – “дескриптивной” – метафизики, основанной на анализе языка, поэтому возрождение метафизики не рассматривалось им как закат аналитической философии в целом» [12, с. 167], он детально не рассматривает собственно философию обыденного языка. В монографии Э. В. Семёновой [13] описывается то, какое место идеи П. Ф. Стросона занима-

¹Чалый В. А. Критический анализ интерпретации Питером Стросоном философской системы Иммануила Канта : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.03. Калининград, 2004. 20 с.

²Суханова Е. Н. Дескриптивная метафизика П. Ф. Стросона в контексте развития аналитической философии : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.03. Томск; 2008. 27 с.

ют в традиции аналитической философии. Ученый относит философа к представителям лингвистической ветви аналитической философии, выделяя вслед за Л. А. Бобровой несколько направлений аналитической философии, в том числе метафизическое и лингвистическое: «Лингвистической философией (или философией обыденного языка) называется философское направление, поставившее своей основной задачей анализ естественного языка строгими методами. <...> К лингвистическим философам относятся Мур, Витгенштейн, Райл, Остин, Стросон, Блэк, Малькольм и др.» [13, с. 24].

Философия обыденного языка – «философское направление, которое развивалось в Англии в период между двумя мировыми войнами, с конца 40-х и до начала 60-х»³ [16, р. 49]. К наиболее значимым фигурам данного направления относятся Дж. Л. Остин, Г. Райл и П. Ф. Стросон. Философия обыденного языка является одним из течений лингвистической ветви аналитической философии, истоки которого лежат в позднем творчестве Л. Й. И. Витгенштейна. Ключевая идея философского дискурса данного направления состоит в определении языка как посредника между реальностью и сознанием, между декартовскими понятиями *res cogitans* и *res extenda*. И если в традиции логического позитивизма язык выступает прежде всего в качестве точного инструмента отражения деятельности сознания, наиболее чистой формой которого является язык науки, то в философии обыденного языка – в качестве средства формирования той самой реальности, которая представляет собой результат взаимодействия сознания и реальности. По этой причине в отличие от логических позитивистов философы данного направления не ставили своими задачами совершенствование языка, доведение его до предельной формы логически совершенного языка, а стремились прояснить природу обыденного языка и установить его функции.

Вслед за Дж. Л. Остином П. Ф. Стросон в качестве аналитического инструмента использовал теорию речевых актов и уделял пристальное внимание анализу конвенциональной природы речевого акта, особенно той его части, которая обеспечивает успешность речевой деятельности и даже коммуникации, поскольку речевой акт выступает формой ее реализации. В статье «Намерение и конвенция в речевых актах» [9, р. 149–170] П. Ф. Стросон анализирует конвенциональную природу иллокутивной силы речевого акта. В целом соглашаясь с Дж. Л. Остином, он тем не менее полагает, что признать конвенциональную природу речевого акта недостаточно, необходимо прояснить, чем именно она обусловлена: «Во-первых, мы можем согласиться с тем, что любой речевой акт как таковой по крайней мере отчасти является конвенциональным актом. Выполнение

любого речевого акта предполагает как минимум соблюдение или использование некоторых лингвистических условностей. <...> Легко заметить, что утверждение о том, что иллокутивный акт является предметом конвенции, верно в большинстве случаев» [9, р. 152].

Конвенциональная природа речевого акта, по мнению П. Ф. Стросона, обусловлена в первую очередь конвенциональным характером языка как опосредующей формы и структурного элемента, определяющего условия коммуникации. Вербальные и невербальные средства, используемые в процессе речевой деятельности, являются конвенциональными, так как язык по своей природе представляет собой не абсолютную систему знаков и способов их использования, а динамически изменяющийся и изменяемый инструмент социального конституирования: «Строго говоря, не может быть иллокутивного акта до тех пор, пока используемые средства являются неконвенциональными; то же касается невербальных средств для достижения целей действия – они должны быть конвенциональными» [15, с. 101]. Такое понимание конвенциональной природы речевых актов происходит из общей концепции философии обыденного языка, и эту позицию разделяют представители лингвистической ветви аналитической философии.

В большинстве случаев конвенциональная природа речевых актов является очевидной, особенно если речь идет об установленных процедурных конвенциях в таких сферах, как, например, юридическая или судебная практика: «Существуют речевые акты, в которых используются конвенционально предписанные формы слов и которые соответствуют конвенционально принятым или регламентируемым процедурам» [16, р. 44]. Так, произнесенное судьей высказывание «виновен» конституирует в процедуре коммуникации иллокутивный акт вынесения приговора, который участники судебного процесса интерпретируют однозначно в силу заранее установленных социальных правил и норм. Равным образом дело обстоит в других случаях социального взаимодействия, которые имеют систему предустановленных правил и норм. Например, произнесение рефери после поединка высказывания «нокаут» означает, что состязание завершено.

На основании принятых в конкретном сообществе правил и норм, разделяемых участниками взаимодействия, речевая деятельность регламентируется социальными конвенциями. Было бы странным ожидать, что судья произнесет реплику «нокаут», а спортивный рефери – выражение «виновен». Правила и нормы речевой деятельности позволяют выстраивать взаимодействие, в котором слова становятся действиями, т. е. произнесенный речевой акт имеет иллокутивную силу и вызывает перлокутивное воздействие [15]. Результатом произнесения

³Здесь и далее перевод наш. – М. Д.-Ш.

судьей реплики «виновен» является ожидание вынесения приговора, а следствием оглашения рефери выражения «нокаут» – смена участников состязания или завершения соревнований.

Иначе обстоит дело в ситуации, когда значение речевого акта устанавливается вне принятых социальных конвенций. Так, например, выражение «ма-заль тов» (от ивр. מזל טוב – счастливой планеты-судьбы) традиционно (согласно принятым правилам) произносится для пожелания удачи (поздравления) в контексте значимых событий (празднование свадьбы, достижение совершеннолетия и др.). Однако можно привести ряд примеров использования данной фразы вне установленных правил и норм, например с целью поддержать собеседника в сложных жизненных обстоятельствах. В первом случае значение произнесенного речевого акта определяется принятыми конвенциями употребления данных языковых выражений, а во втором случае оно детерминируется обстоятельствами, речевой ситуацией. «Но кажется столь же ясным, что, хотя обстоятельства высказывания всегда релевантны для определения иллокутивной силы высказывания, во многих случаях это не подтверждает общепринятые конвенции любого рода (кроме тех языковых конвенций, которые помогают передать смысл высказывания)» [9, p. 153].

П. Ф. Стросон анализирует выражение «лед там очень тонкий», которое в зависимости от обстоятельств имеет разное значение для участников коммуникации, влечет за собой различные следствия и провоцирует соответствующие действия. Так, если данное высказывание адресовано человеку, собирающемуся прокатиться на коньках, то, безусловно, его содержание тождественно предупреждению и ожидаемый перлокутивный эффект заключается в невыполнении запланированного действия. Вполне возможны ситуации, в которых значение данного выражения равняется констатации факта, а ожидаемый перлокутивный эффект состоит в принятии этого факта. По мнению Дж. Л. Остина, в первом случае речь идет о перформативном употреблении высказывания, а во втором случае – о констативном, поскольку «перформатив должен делать что-либо в противоположность тому, чтобы говорить что-либо» [15, с. 112]. Таким образом, не только значение и иллокутивная сила произнесенного выражения, но и характер речевого акта определяется условиями коммуникативной ситуации.

По мнению П. Ф. Стросона, использование данной позиции применительно к анализу речевой деятельности приводит к определенному релятивизму, ситуации, в которой невозможно выделить устойчивую структуру речевой деятельности, независимую от контекста коммуникации. Вслед за Г. П. Грайсом П. Ф. Стросон рассматривает в качестве концепта, раскрывающего структуру речевой деятельности

и являющегося весьма полезным для объяснения конвенциональной природы речевых актов, в частности его иллокутивной силы, понятие «намерение», а поскольку речь идет о языке, то такое намерение он определяет как коммуникативное: «S хочет высказать нечто посредством произнесения выражения X, если S имеет намерение i_1 произвести посредством произнесения X определенную реакцию r у аудитории A и имеет намерение i_2 , что аудитория A распознает его намерение i_1 , а также предполагает своим намерением i_3 , что это распознавание аудиторией A его намерения i_1 обусловило (полностью или частично) реакцию r аудитории A. <...> Очевидно, что важной особенностью этого определения является то, что обеспечение реакции r должно быть опосредовано обеспечением другой (всегда когнитивной) реакции A, а именно признания намерения S добиться реакции r » [9, p. 155–156].

Когда коммуникативное намерение говорящего является основанием для реакции аудитории, распознавания ею речевого акта и ее реакции (в том числе когнитивной, эмоциональной) на него, можно говорить о формировании смыслов и значений в контексте коммуникативного взаимодействия. Применительно к выражению «лед там очень тонкий» успешность речевой деятельности зависит от того, спровоцирует ли коммуникативное намерение адресанта реакцию со стороны адресата (ситуация, в которой человек, производящий высказывание, и человек, распознающий его, одинаково истолкуют данный речевой акт как предупреждение, а не как констатацию факта).

Позиция Дж. Л. Остина принципиально отличается от точки зрения П. Ф. Стросона и Г. П. Грайса пониманием роли аудитории в речевой деятельности. Так, если Дж. Л. Остин описывает структуру речевой деятельности, направленной на выполнение определенных установленных социальных конвенций, в том числе лингвистических, и уделяет пристальное внимание анализу и дифференцированию различных речевых актов (локутивных, иллокутивных, перлокутивных), то П. Ф. Стросон объясняет роль различных речевых актов в процессе коммуникативного взаимодействия, результатом которого является успешная (результативная) коммуникация, конституирующая как общие смыслы, так и совместную деятельность. В связи с этим возникает необходимость введения в теорию речевых актов понятий «коммуникативное намерение», «понимание» и «реакция аудитории».

Философы лингвистической ветви аналитической философии наследуют многие идеи позднего творчества Л. Й. И. Витгенштейна, который справедливо считается предтечей данного направления. Для понимания линии преемственности идей позднего творчества Л. Й. И. Витгенштейна представителями философии обыденного языка необходимо

проанализировать содержание концепта «языковая игра». В самом широком смысле языковая игра – это совокупность конвенционально установленных правил, определяющих условия коммуникации. Ее сущность такова, что, с одной стороны, любая языковая игра является результатом социальных конвенций, а с другой стороны, через установление правил и норм коммуникации она выполняет функцию инструмента социального взаимодействия, т. е. определяет возможные границы речевой деятельности и ее результат. По мнению Л. Й. И. Витгенштейна, языковая игра – неотъемлемая часть мира повседневности, определяющая любые возможные миры повседневности, в которых конституируются как правила, так и смыслы: «Легко вообразить язык, состоящий только из приказов и донесений в битве. Или язык, состоящий лишь из вопросов и выражений подтверждения и отрицания. И неисчислимо множество других. А вообразить язык значит вообразить форму жизни» [17, с. 86].

Одним из основных тезисов позднего творчества Л. Й. И. Витгенштейна является идея о тождественности понятий «значение слова» и «употребление слова»: «Для большого класса случаев – хотя и не для всех, в которых мы используем слово “значение”, его можно определить так: значение слова – это его употребление в языке» [17, с. 99]. Из этого следует, что любые смыслы устанавливаются и закрепляются только в рамках языковой игры, и только в пространстве данной языковой игры опреде-

ляются любые лингвистические конструкции, как синтаксические, так и семантические. Утрата или замена символом (знаком) своего значения может произойти только в рамках определенной языковой игры. Природа языковой игры и языка полностью обусловлена социальным взаимодействием, она носит конвенциональный характер.

С. В. Никоненко полагает, что «...для Витгенштейна главной проблемой выступает проблема достоверности и обоснования языковой игры, для его последователей уже не встают подобные вопросы. Витгенштейн пытался посредством обращения к обыденному языку разрешить противоречие “логики” и “игры”. Лингвистическая философия “разрешает” это противоречие, полностью сводя язык к “игре”» [7, с. 407]. Развивая концепцию о языке, разработанную Л. Й. И. Витгенштейном, П. Ф. Стросон и Дж. Л. Остин конкретизируют ее посредством анализа такого инструмента языковой игры, как речевой акт. Значение речевого акта, его иллокутивная сила и перлокутивный эффект определяются в рамках принятых социальных конвенций. Как следствие, в философии обыденного языка семантический анализ языка утрачивает привилегированный статус, которым он обладал в философии логического позитивизма, и акцент смещается в сферу лингвистической прагматики, с точки зрения которой важным становится не отношение знака и его значения, утрачивающего свою абсолютную природу, а отношение знака и его пользователя.

Заключение

Для развития лингвистической ветви аналитической философии П. Ф. Стросон разработал концепцию дескриптивной метафизики, исследовал значения и функции обыденного языка и выделил инструменты такого анализа. Сложно согласиться со следующим мнением М. Дж. Лакса: «Обычно их (представителей Оксфордской школы. – М. Д.-Ш.) усилия были направлены на детальнейший анализ какой-либо конкретной области рассуждений. В результате нам достались кропотливые разборы выражений обыденного языка, используемых для извинений, видов притворства или ошибок восприятия» [18, с. 11]. В этих словах есть определенная доля истины, так как П. Ф. Стросон развивал ключевые идеи теории речевых актов, разработанной Дж. Л. Остином, и общая оценка положений этой теории касается результатов его научных изысканий.

Среди причин, повлиявших на формирование такой оценки в среде исследователей истории аналитической философии, можно указать следующие факторы. Во-первых, представители оксфордской школы детально анализировали различные формы речевых актов и способы их выражения. Например, Дж. Л. Остин приводит классификацию форм перформативных глаголов, которая представляет инте-

рес скорее для лингвистов, нежели для философов. Во-вторых, теория речевых актов стала инструментом лингвистики и теории коммуникации, предоставила эффективные средства анализа речевых единиц и коммуникативных структур. Подтверждением данного факта выступает множество научных публикаций, в которых теория речевых актов используется для анализа различных языковых форм или структур (см., например, [19; 20]). Одной из первых работ П. Ф. Стросона, переведенных на русский язык, является статья «Грамматика и философия» [21], которая представляет собой сокращенный перевод статьи «Grammar and philosophy» [9, p. 130–149], посвященной рассмотрению вопроса о соотношении теории трансформационной грамматики (А. Н. Хомский) и философии.

Эти обстоятельства свидетельствуют о том, что наличие общего для многих научных областей предмета анализа – языка – становится причиной как возникновения новых направлений исследований, так и перманентного заимствования инструментов и методов анализа, причем последнее особенно показательно для теории речевых актов. Однако существует принципиальное отличие в понимании природы и сущности языка в философии обыденного

языка и лингвистике. Если в лингвистике язык выступает как предметная данность, а основной целью является определение структурных элементов различного уровня, то в философии обыденного языка ключевой становится проблема определения функции языка в структуре познавательной и практической деятельности человека. Когда та или иная концепция выходит за рамки анализа внутренней структуры языка и пытается дать ответы на вопросы о происхождении языка, его роли в познании, отношениях языка и мышления, она перестает быть исключительно лингвистической и характеризуется в большей степени как философская.

Таким образом, для П. Ф. Стросона язык выступает инструментом формирования самой реальности, которая является результатом взаимодействия сознания и реальности. Предметной задачей философии становится прояснение природы обыден-

ного языка и его функций. Одним из результатов аналитики обыденного языка выступает заключение о конвенциональной природе языка, сущность которой определяется динамически изменяющимся и изменяемым инструментом социального конституирования, опосредующей формой и структурным элементом, обуславливающим основополагающие условия коммуникации. Ученый конкретизирует конвенциональную природу языка посредством анализа такого инструмента языковой игры, как речевой акт. Значение речевого акта, его иллокутивная сила и перлокутивный эффект устанавливаются в рамках принятых социальных конвенций. Как следствие, в философии обыденного языка семантический анализ языка утрачивает привилегированный статус, которым он обладал в философии логического позитивизма, и акцент смещается в сферу лингвистической прагматики.

Библиографические ссылки

1. Бегиашвили АФ. *Современная английская лингвистическая философия: критический очерк*. Тбилиси: Мецниереба; 1965. 109 с.
2. Бабушкин ВУ, редактор. *Природа философского знания. Часть III. Аналитическая философия и структурализм: критический анализ*. Москва: [б. и.]; 1978. 243 с.
3. Lewis HD, editor. *Contemporary British philosophy*. London: Allen and Unwin; 1976. 347 p.
4. Magee B, editor. *Modern British philosophy*. London: Oxford University Press; 1986. 287 p.
5. Стросон ПФ. *Индивидуы. Опыт дескриптивной метафизики*. Брюшинкин ВН, Чалый ВА, переводчики. Калининград: Российский государственный университет имени Иммануила Канта; 2009. 328 с.
6. Strawson PF. *Individuals. An essay in descriptive metaphysics*. London: Methuen; 1959. 255 p.
7. Никоненко СВ. *Английская философия XX века*. Санкт-Петербург: Наука; 2003. 769 с.
8. Strawson PF. *Introduction to logical theory*. London: Methuen; 1952. 266 p.
9. Strawson PF. *Logico-linguistic papers*. London: Methuen; 1971. 249 p.
10. Strawson PF. *Subject and predicate in logic and grammar*. London: Methuen; 1974. 144 p.
11. Strawson PF. *Freedom and resentment and other essays*. London: Methuen; 1974. 214 p.
12. Золкин АЛ. *Язык и культура в англо-американской аналитической философии XX века*. Москва: Юнити; 2005. Кантинский культурген: дескриптивная метафизика Питера Стросона; с. 167–180.
13. Семёнова ЭВ. *Британская аналитическая философия анализа обыденного языка*. Улан-Удэ: Бурятский государственный университет; 2006. 93 с.
14. Chapman S, Routledge C, editors. *Key ideas in linguistics and the philosophy of language*. Edinburgh: Edinburgh University Press; 2009. 258 p.
15. Остин Дж. *Избранное*. Макеева ЛБ, Руднева ВП, переводчики. Москва: Идея-пресс; 1999. Как совершать действия при помощи слов; с. 13–138.
16. Strawson PF. Reply to Ruth Garrett Millikan. In: Lewis EH, editor. *The library of living philosophers. Volume 26. The philosophy of P. F. Strawson*. Chicago: Open Court; 1998. p. 44–49.
17. Витгенштейн ЛЙИ. *Философские работы. Часть 1*. Козлова МС, Асеева ЮА, переводчики. Москва: Гнозис; 1994. Философские исследования; с. 75–321.
18. Лакс МД. Метафизика в аналитической традиции. Бутаков П, переводчик. *Философский журнал*. 2015;8(2):5–15.
19. Вульфвич БГ. Практическое применение теории речевых актов в лингвопрагматике (на примере интернет-комментариев политического интернет-дискурса). *Когнитивные исследования языка*. 2022;2:531–536.
20. Гулякова ИГ, Хо Сяоцзун. Фразеологизмы, отражающие гендерные отношения, в аспекте теории речевых актов (на фоне китайского языка). В: Налимова ТА, Романова НЮ, Калинина ИА, Шахматова МА, редакторы. *Актуальные проблемы преподавания филологических дисциплин. Материалы докладов и сообщений XXV Международной научно-методической конференции; 7 февраля 2020 г.; Санкт-Петербург, Россия*. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна; 2020. с. 182–188.
21. Стросон П. Грамматика и философия. В: Петров ВВ, редактор. *Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XVIII. Логический анализ естественного языка*. Москва: Прогресс; 1986. с. 160–173.

References

1. Begiashvili AF. *Sovremennaya angliiskaya lingvisticheskaya filosofiya: kriticheskii ocherk* [Modern English linguistic philosophy: a critical essay]. Tbilisi: Metsniereba; 1965. 109 p. Russian.
2. Babushkin VU, editor. *Priroda filosofskogo znaniya. Chast' III. Analiticheskaya filosofiya i strukturalizm: kriticheskii analiz* [The nature of philosophical knowledge. Part 3. Analytic philosophy and structuralism: critical analysis]. Moscow: [s. n.]; 1978. 243 p. Russian.

3. Lewis HD, editor. *Contemporary British philosophy*. London: Allen and Unwin; 1976. 347 p.
4. Magee B, editor. *Modern British philosophy*. London: Oxford University Press; 1986. 287 p.
5. Strosen PF. *Individy. Opyt deskriptivnoi metafiziki* [Individuals. An essay in descriptive metaphysics]. Bryushinkin VN, Chalyi VA, translators. Kaliningrad: Rossiiskii gosudarstvennyi universitet imeni Immanuila Kanta; 2009. 328 p. Russian.
6. Strawson PF. *Individuals. An essay in descriptive metaphysics*. London: Methuen; 1959. 255 p.
7. Nikonenko SV. *Angliiskaya filosofiya XX veka* [English philosophy of the 20th century]. Saint Petersburg: Nauka; 2003. 769 p. Russian.
8. Strawson PF. *Introduction to logical theory*. London: Methuen; 1952. 266 p.
9. Strawson PF. *Logico-linguistic papers*. London: Methuen; 1971. 249 p.
10. Strawson PF. *Subject and predicate in logic and grammar*. London: Methuen; 1974. 144 p.
11. Strawson PF. *Freedom and resentment and other essays*. London: Methuen; 1974. 214 p.
12. Zolkin AL. *Yazyk i kul'tura v anglo-amerikanskoi analiticheskoi filosofii XX veka* [Language and culture in Anglo-American analytical philosophy of the 20th century]. Moscow: Yuniti; 2005. [Kantian culturgen: a descriptive metaphysics by Peter Strawson]; p. 167–180. Russian.
13. Semenova EV. *Britanskaya analiticheskaya filosofiya analiza obydenного yazyka* [British analytical philosophy of ordinary language analysis]. Ulan-Ude: Buryatskii gosudarstvennyi universitet; 2006. 93 p. Russian.
14. Chapman S, Routledge C, editors. *Key ideas in linguistics and the philosophy of language*. Edinburgh: Edinburgh University Press; 2009. 258 p.
15. Ostin D. *Izbrannoe* [Favorites]. Makeeva LB, Rydneva VP, translators. Moscow: Idea-press; 1999. [How to do things with words]; p. 13–138. Russian.
16. Strawson PF. Reply to Ruth Garrett Millikan. In: Lewis EH, editor. *The library of living philosophers. Volume 26. The philosophy of P. F. Strawson*. Chicago: Open Court; 1998. p. 44–49.
17. Vitgenshtein LII. *Filosofskie raboty. Chast' 1* [Philosophical works. Part 1]. Kozlova MS, Aseeva YuA, translators. Moscow: Gnozis; 1994. [Philosophical studies]; p. 75–321. Russian.
18. Loux MJ. Metaphysics in the analytic tradition. Butakov P, translator. *The Philosophy Journal*. 2015;8(2):5–15. Russian.
19. Vulfovich BG. Practical application of the speech acts theory in linguo-pragmatics (on the example of Internet comments of political Internet discourse). *Cognitive Studies of Language*. 2022;2:531–536. Russian.
20. Guliakova IG, Ho Siaocziun. Phraseologies reflecting gender relations in the aspect of speech theory (against the Chinese language). In: Nalimova TA, Romanova NYu, Kalinina IA, Shakhmatova MA, editors. *Aktual'nye problemy prepodavaniya filologicheskikh distsiplin. Materialy докладов i soobshchenii XXV Mezhdunarodnoi nauchno-metodicheskoi konferentsii; 7 fevralya 2020 g.; Sankt-Peterburg, Rossiya* [Actual problems of teaching philological disciplines. Materials of reports and messages of the 25th International scientific and methodological conference; 2020 February 7; Saint Petersburg, Russia]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design; 2020. p. 182–188. Russian.
21. Stroson P. [Grammar and philosophy]. In: Petrov VV, editor. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vypusk XVIII. Logicheskii analiz estestvenного yazyka* [New in foreign linguistics. Issue 18. Logical analysis of natural language]. Moscow: Progress; 1986. p. 160–173. Russian.

Статья поступила в редколлегию 21.04.2023.
Received by editorial board 21.04.2023.